

- Thompson E.A. 2007: Los godos en España. Madrid.
- Velázquez Soriano I. 1989: Las pizarras visigóticas: edición crítica y estudio. Murcia.
- Velázquez Soriano I. 2000: Documentos de época visigoda escritos en pizarra (siglos VI–VIII). T. 1–2. (Monumenta palaeographica Medii Aevi. Series hispanica). Turnhout.
- Velázquez Soriano I. 2003: *Latine dicitur, vulgo vocant*. Aspectos de la lengua escrita y hablada en las obras gramaticales de Isidoro de Sevilla. Logroño, 2003.
- Velázquez Soriano I. 2004: Las pizarras visigodas: entre el latín y su disgregación. La lengua hablada en Hispania, siglos VI–VIII. Madrid.
- Velázquez Soriano I. 2005: Hagiografía y culto de los santos en la Hispania Visigoda: Aproximación a sus manifestaciones literarias. (Cuadernos emeritenses, 32). Mérida.
- Zeumer K. 1944: *História de la legislación visigoda* / Trad. del alemán por C. Claveria. Barcelona.

O.B. Ауров

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ

© 2012 г.

In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C. BC). Proceedings of the Interdisciplinary Colloquium arranged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University held at the National Archaeological Institute and Museum Sofia, 8 May 2010. Ed. by L. Vagalinski and S. Rodway. Sofia: NOUS Publishers Ltd., 2010. 131 p.

Несколько последних десятилетий отмечены устойчивым ростом интереса представителей разных научных дисциплин и национальных историографий к различным аспектам истории балканских кельтов¹. В этом контексте выход в свет рецензируемого сборника выглядит закономерным и ожидаемым: до сих пор не существовало специальных объемных исследований о кельтском государстве на территории современной Болгарии с центром в Тиле (Тилисе), являвшемся в некоторой степени связующим звеном между кельтами Европы и Азии.

Данная книга представляет собой публикацию (надо отметить, довольно оперативную) материалов совместного болгарско-валлийского colloquium, проведенного 8 мая 2010 г. в Софии. Сборник включает в себя восемь статей и снабжен многочисленными и весьма информативными картами и иллюстрациями. Несмотря на то что тема сборника довольно узка, авторы ни в коей мере не дублируют друг друга, чему способствуют не только несовпадение многих пунктов их концептуальных позиций (это видно из оживленной полемики, отраженной в некоторых статьях), но и разнообразие используемых ими методик. Необходимо подчеркнуть, что заявленная в заглавии книги междисциплинарность отнюдь не является декларативным лозунгом, приобретшим в последнее время значительную (а порой и явно чрезмерную) популярность в исследовании древности (как, впрочем, и других исторических периодов). Авторы составляющих книгу статей действительно активно и продуктивно используют самые разнообразные методы анализа источников различных категорий: письменной традиции (иногда – с элементами филологической и текстологической критики), топонимических данных, нумизматических и археологических материалов. При этом, что вполне закономерно, приоритет остается за использованием именно последних: ведь как раз они и составляют основу источникового корпуса по истории кельтов во Фракии, тогда как сообщения письменной традиции по данной теме (в сравнении хотя бы с информацией античных авторов о малоазийских галатах), к сожалению, крайне немногочисленны. Примечательно и то, что сборник является плодом совместного труда западно- и восточноевропейских ученых: тем самым он соединяет в себе методику и достижения как «чистой» кельтологии, так и фракологии (в ее преимущественно археологической составляющей). Наконец, выход в свет данного сборника особо актуален в свете недавнего появления работ «нигили-

¹ См., например, две новые и весьма основательные коллективные монографии: *Celts on the Margin* 2005; *Kelten-Einfälle...* 2007, а также полезный библиографический справочник: *Falileyev, Emilov, Theodossiev* 2010.

стического» направления, практически полностью отвергающих достоверность сведений о событиях на Балканах в первые десятилетия III в.² (здесь и далее все даты – до нашей эры).

В свете последнего обстоятельства закономерно, что открывает книгу работа теоретического характера – статья Саймона Родвэя «Кельтское – дефиниции, проблемы и противоречия» (с. 9–32). Автор активно включается в крайне актуальную для современной кельтологии дискуссии о природе (а то и самом наличии) кельтской цивилизации и культуры, этничности и «кельтскости» вообще. Следует отметить, что данная статья не связана напрямую с тематикой сборника, однако она задает своего рода концептуальные ориентиры, которых придерживаются и другие авторы рецензируемой книги – уже применительно к более частному предмету; в этом контексте работа С. Родвэя отнюдь не воспринимается как некий «чужеродный элемент».

Автор дает глубокий обзор концептуальных противоречий между «ортодоксальными» кельтологами и «кельтоскептиками». Последние, в частности, устами своего представителя Дж. Коллиса заявляют, что не существовало кросс-европейского кельтского народа; не было также широко распространившегося кельтского искусства, общества или религии. С. Родвэй выявляет не только собственно научные, но и исторические, этнические, политические, культурологические истоки существующих сегодня противоречий в подходах к изучению кельтской истории, культуры и языка. Он привлекает широчайший круг материала, связанного с идентификацией, осознанием и изучением «кельтского» в различных государствах и в разные исторические периоды. В рамках данной рецензии, посвященной в первую очередь рассмотрению проблем, связанных с кельтским царством во Фракии, нет необходимости подробно излагать основные положения работы валлийского ученого, но его итоговые выводы, несомненно, заслуживают внимания. Он подчеркивает: «Совершенно определено, что кельты были настоящей этнической группой в древнем мире» (с. 24). Указывая на относительную применимость определения «латенская культура» к собственно кельтам, он, тем не менее, подчеркивает, что «устранение слова “кельт” из словаря археологии железного века... чревато потерей видения истинных лингвистических и культурных связей...» (с. 25), и, наконец, предостерегает исследователей от предвзятых подходов, присущих «кельтоскептикам».

Диляна Ботева в статье «Античные историки о кельтском царстве в Юго-Восточной Фракии» (с. 33–50), в сущности, не ограничивается предметом, заявленным в заголовке, но представляет гораздо более широкую картину кельтских кампаний на Балканах. После краткого очерка состояния письменных источников по этой проблеме она отмечает, что «...цель этого исследования – прояснить разницу между данными, доступными нам из трудов древних авторов, и выводами, которые могут быть сделаны на их основе, тем самым показывая некоторые дальнейшие возможности для понимания сведений источников и восстановления исторических событий» (с. 34). Такой подход можно было бы безоговорочно приветствовать, если бы не два обстоятельства. Во-первых, автор без каких-либо пояснений ограничивает круг рассматриваемых ею авторов только лишь Полибием, Ливием, Трогом/Юстином и Павсанием; остается совершенно неясным, почему она игнорирует сочинения Диодора, Мемнона, Полиена, Аппиана³, а также и другие источники, содержащие немало ценной информации⁴. Во-вторых, что даже более важно: болгарской исследовательнице, к сожалению, остался неизвестным опубликованный почти десять лет назад фундаментальный труд безвременно ушедшего австрийского ученого Курта Томашица⁵, в котором точно такая же работа уже была проделана, – причем, надо признать, с гораздо большей полнотой и основательностью. Так что на принципиальную новизну работа Д. Ботевой уже априорно претендовать не может, хотя, конечно, некоторые ее предположения и выводы заслуживают внимания.

Д. Ботева последовательно анализирует данные четырех избранных ею авторов о тех или иных кельтских походах по следующей схеме: год, начальный пункт, предводитель, численность войска, цель, достижения, число выживших, дальнейшее направление движения и достижения на этой фазе кампании, итог. Это вполне обоснованно, хотя, на мой взгляд, логичнее было бы расположить раз-

² Džino 2007; наиболее яркий пример: Campbell 2009.

³ С этим автором, впрочем, все сложнее: его рассказ о кельтском нашествии на Балканы содержит большое количество явных несообразностей и нередко удостоивается весьма не лестной оценки современными исследователями (см., например: Tomaschitz 2002, 107, Anm. 429; 113, Anm. 457).

⁴ К числу таковых следует отнести, например, «Пророчества сивилл», где сообщается о совместном набегах галатов и дарданов на Грецию (III. 509–510), – насколько мне известно, этот пассаж вообще выпал из поля зрения специалистов.

⁵ Tomaschitz 2002. Не ссылается Д. Ботева почему-то и на монографию К. Штробеля (Strobel 1996), которая на сегодняшний день является одним из наиболее солидных трудов по восточнокельтской проблематике. Вообще, следует отметить, что оба эти исследования из всех авторов книги использует только Ю. Эмилов.

бираемые ею фрагменты не по «персональному» списку, а в большем соответствии с хронологией событий (как это и сделано в труде К. Томашица).

Анализируя сообщения из IV книги Полибия, Д. Ботева – исходя из не вполне точного перевода У. Пейтона⁶ – полагает, что галаты Комонтория, ставшего вскоре первым царем Тилийского царства, подошли к Геллеспонту в 278 г., но при этом считает единственно возможным вариант, при котором его отряды приняли непосредственное участие в походе Бренна на Грецию (хотя и не высказывается определенно о том, на какой именно стадии похода они «откололись» от войска Бренна, рассматривая три возможных варианта, – с. 35). Однако, как отмечает автор статьи, греческая кампания галатов завершилась полной неудачей и привела к тяжелым потерям; это делает маловероятным наличие у Комонтория значительных сил, – достаточных для того, чтобы подчинить фракийцев и основать собственное царство. Так что Д. Ботева, похоже, напрасно не уделяет внимания цитируемой ею (с. 35, прим. 12) фразе Ф.У. Уолбанка: «Люди Комонтория никогда не были в своем большинстве частью сил Бренна»⁷ – именно такой вариант выглядит наиболее вероятным. Трактовка рассказа Полибия о дипломатическом вмешательстве галатского царя Кавара в ход войны между византийцами и Прусьем I Вифинским (220 г.) не вызывает особых возражений: очевидно, в тот момент государство галатов было действительно еще довольно сильным и авторитетным.

Обращая затем к информации Ливия (XXXVIII. 16) о походе во Фракию галатов под руководством Л(е)о(н)ория и Лутария, позднее переправившихся в Азию, Д. Ботева исходит из крайне маловероятного, на мой взгляд, допущения о его очень раннем начале – в 279 или даже уже в 280 году, когда еще был жив и правил в Македонии Птолемей Керавн (с. 38, 47). Однако в это время Бренн, от войска которого, согласно Ливию, откололись в Дардании контингенты Лутария и Лонория, никак не мог быть руководителем общегалатского воинства. Поэтому сложно разделить вытекающую из названной датировки уверенность исследовательницы в том, что появление Лонория и Лутария у проливов предшествовало как разгрому Бренна у Дельф⁸, так и прибытию войска Комонтория под стены Византия⁹.

Рассмотрение сообщений Трога/Юстина Д. Ботева начинает с пассажей XXIV. 4. 5–6; 6. 1, которые, на ее взгляд, «...создают впечатление, что Бренн “(уже) совершил вторжение в Грецию” и только после этого “услышал об успехе своих соплеменников”» (с. 40). Далее эту мысль она, к сожалению, не развивает, хотя детальный анализ указанных пассажей в сопоставлении с другими данными, по моему мнению, может кардинально изменить наши представления о стратегической картине галатских походов (работа, посвященная этому сюжету, в настоящее время подготавливается мною к печати). Однако невозможно не согласиться с мнением исследовательницы о том, что Трог/Юстин явно преувеличивает, говоря о полном истреблении галатов после неудачи при Дельфах¹⁰. Заслуживает внимания попытка Д. Ботевой опровергнуть устоявшееся в историографии мнение о Лисимахии как о месте победе Антигона Гоната над галатами (с. 41–42), хотя здесь, на мой взгляд, требуется дополнительная аргументация. В то же время, предположение о переправе в Азию тех кельтов, кто уцелел после этого поражения, явно недостаточно обосновано: текст Трога/Юстина (XXV. 2. 7–8) не дает никаких оснований для такого заключения, так как в нем явно идет речь об общей панораме событий, да и достаточно подробный рассказ Полибия и Ливия не отводит места для подобного факта¹¹.

И, наконец, Павсаний. Рассматривая данные перизгета о «тройном походе» на Балканы, Д. Ботева присоединяется к мнению тех болгарских специалистов, кто указывает лишь на *намерение* Керифрия

⁶ «These Gauls quitted their homes together with Brennus and his Gauls, and *after* (здесь и далее в тексте курсив наш. – О.Г.) escaping from the disaster at Delphi reached the Hellespont, where instead of crossing to Asia, they remained on the spot, as they took a fancy to the country near Byzantium» (Histories of Polybius 1992, 413). Однако в тексте Полибия слово «после» отсутствует.

⁷ Walbank 1957, 449.

⁸ Ср. Тачева 1997, 33; Theodossiev 2000, 81.

⁹ Сообщения источников не противоречат тому, что Комонторий мог быть одним из «офицеров» Лонория и Лутария; см. об этом подробнее: Gabelko 2006, 225–226. Подобное мнение высказывал много ранее М. Домарадски (1984, 80–81), но Д. Ботева его никак не комментирует (см. с. 42, прим. 50).

¹⁰ Правда, Д. Ботева не принимает во внимание тот факт, что поражение галатов Бренна не ограничивалось только лишь Дельфами: они были разгромлены также на обратном пути через Дарданию (Diod. XXII. 9. 3).

¹¹ Тем более сложно представить, как разбитые и дезорганизованные кельты смогли бы перейти в Азию, если их разгром Антигоном, согласно мнению Д. Ботевой, произошел в Западной Фракии. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что не вполне понятно, как кельты, согласно Юстину (XXV. 1. 3), могли угрожать Македонии, находясь у Лисимахии на берегу Пропонтиды.

вторгнуться во Фракию, но не на его осуществление, и вновь возвращается к своей мысли о том, что первый поход в этом направлении был осуществлен только Лонорием и Лутарием (с. 44). Исследовательницу приводит в затруднение фраза Павсания: οἱ δὲ αὖθις δὲ ἐς τὴν Ἀσίαν διαβαίνουσιν οἱ Κελτοί (X. 23. 14), которую она понимает так: «Кельты переправились *снова* в Азию» (с. 46)¹². В такой трактовке, данный пассаж действительно трудно истолковать, однако если принять во внимание, что οἱ αὖθις – это субстантивированное наречие, то фраза принимает вполне однозначный смысл: в Азию переправились *остатки* кельтов, совершивших нашествие на Элладу¹³.

Итоговая картина событий, согласно Д. Ботевой (с. 46–48), была примерно следующей. Кельтская активность во Фракии прошла четырьмя «волнами»: 1) поход Камбавла, о котором упоминает Павсаний (его датировка остается неясной); 2) кампания Лонория и Лутария – 280 или 279 г.; 3) действия Комонтория (278 г.), приведшие к образованию Тилийского царства; 4) переход через Фракию тех кельтов, кто уцелел после разгрома Антигоном Гонатом на их пути в Азию. Многие спорные места в этой реконструкции уже были указаны. Таким образом, следует признать, что концепция болгарской исследовательницы содержит некоторые интересные моменты, но не свободна и от ряда серьезных противоречий. Она оставляет немало возможностей для новых предположений.

В большинстве последующих статей основной акцент делается на археологических и нумизматических материалах. Камен Димитров начинает свою работу «Кельты, греки и фракийцы во Фракии в III в. до н.э. Взаимодействия в истории и культуре» (с. 51–66) с обзора существующих в историографии мнений относительно характера, глубины и продолжительности кельтского влияния во Фракии. Приводимый им очерк событий, связанных с кельтским вторжением на Балканы, разгромом галатов у Лисимахии Антигоном Гонатом и пропагандистскими «отголосками» этой победы, выраженными в нумизматических материалах (с. 52–53), не отличается особой оригинальностью и содержит некоторые неточности и спорные места¹⁴. Указывая далее, что и гетское царство, и государственные объединения, возглавляемые фракийскими династиями и поддерживавшие отношения с Месамбрией и Аполлонией Понтийской, не были уничтожены кельтами, исследователь с относительной уверенностью говорит о гибели именно от их рук Пистираса, а что касается разрушения Севтополя – не высказывает определенного мнения: оно могло быть связано как с кельтами в 270-х годах, так и с кампанией Антиоха II во Фракии в середине III в.

Затем К. Димитров дает обзор монет, чеканившихся в Кабиле и связываемых с Каваром, а также писменных источников о взаимоотношениях кельтов и византийцев и надписей из западнопонтийских полисов, упоминающих о каких-то военных конфликтах. Все эти материалы, по его мнению, едва ли могут определенно свидетельствовать о жестком давлении, оказываемом кельтами на греческие города. Рассуждая после этого о локализации Тилийского царства, его границах и пределах влияния (с. 58–63), автор детально анализирует существующие в историографии точки зрения по этим вопросам. Он однозначно придерживается мнения о том, что центр кельтского государства находился не так далеко от Византии, а само оно было небольшим по размерам. Более того, монетная политика Кавара, по мнению ученого, свидетельствует о том, что он стремился проводить экономическую и идеологическую политику, типичную для большинства эллинистических правителей того времени (с. 62–63). Акцент на восприятии кельтами во Фракии эллинской культуры и религии не является абсолютно новым в историографии, чему К. Димитровым приведены конкретные примеры (с. 62), однако новые аргументы исследователя, несомненно, заслуживают внимания. Нельзя не отметить также, что в данной статье присутствует последовательная полемика с мнением М. Манова (см. далее).

Юлий Эмилов цель своего исследования «Античные тексты о галатской царской резиденции в Тилисе и контекст латенских находок во Фракии: переоценка» (с. 67–88) обозначил следующим образом: «критический пересмотр всех известных упоминаний названия местности Тилис писателями эллинистического, римского и позднеантичного периодов, которые фактически создают основу для

¹² К счастью, болгарская исследовательница не следует примеру Д.Р.Дж. Кэмпбелла, который на основе собственного превратного понимания этой фразы – «Кельты переправились *обратно* в Азию» (Celts crossed *back again* in Asia) – предлагает совершенно фантастические гипотезы о проживании части кельтов в Анатолии *до* описываемых событий (Campbell 2009, 273).

¹³ Я искренне благодарю И.Е. Сурикова, оказавшего мне помощь в трактовке этой фразы.

¹⁴ Автор с уверенностью говорит о том, что 9 тысяч кельтов под руководством Кидерия из числа разгромленных под Лисимахией были наняты на службу Антигоном Гонатом, ссылаясь при этом на Полибия и Диодора. Между тем, об этих событиях сообщает только Полиен (IV. 6. 17), а вероятность того, что эти кельты были «недобитками» из-под Лисимахии, выглядит небольшой, поскольку они выдвигали очень высокие требования, не соответствующие статусу только что побежденных, да и численность и боеспособность их были слишком велики для уцелевших после разгрома.

большинства современных предположений относительно локализации этой «резиденции»). Свой анализ он начинает с анализа «наследия Полибия», справедливо подчеркивая двусмысленность фразы о том, что галаты Комонтория «избежали гибели в Дельфах», хотя затем, как и Д. Ботева, склоняется к мнению о более позднем их появлении в окрестностях Византия, чем переход Леоннория и Лутария в Азию. Последующее изучение ряда ключевых пассажей IV книги «Всеобщей истории» приводит исследователя к заключению, что Полибий подразумевал под Тилисом именно царскую резиденцию (βασιλειον), расположенную относительно недалеко от Византия (с. 70).

Особое внимание привлекает следующий раздел работы Ю. Эмилова: «Тилены – потерянные и обнаруженные в переводе». Сопоставляя содержание параграфов 1–3 XXV книги «Эпитомы» Юстина с соответствующими им местами «Прологов» к труду Помпея Трога, автор совершенно обоснованно подчеркивает, что пассаж «*Quas regiones Tyleni occuparunt*» (Trog. Prol. 25) не находит никакого соответствия у Юстина, а это противоречит общему принципу соотношения между основным текстом и его сокращенным вариантом. Кроме того, Tyleni «Прологов» – результат исправления присутствующего в рукописях малопонятного *felini*; на это уже обращалось внимание ранее¹⁵, но Ю. Эмилов идет дальше и предлагает трактовать *felini* как характеристику разбойников и грабителей, прилагаемую к Леоннорию и Лутарию, чьи имена в античной традиции, возможно, отождествлялись с хищниками¹⁶. Таким образом, принимаемый современными исследователями пассаж – «какие территории захватили тилены» – не имеет никакого реального исторического содержания. Данный ответственный вывод необходимо принимать во внимание в последующих исследованиях¹⁷. Столь же обоснованными выглядят сомнения автора относительно надежности свидетельства Стефана Византийского: «Тилис. Полис Фракии поблизости от Гема, склоняется – Тилиса. Этникон – тилиец, как “мемфиец”» (s.v. Τύλις). Он указывает на многочисленные искажения текста первоисточников как самим византийским автором, так и его эпитоматором, на неоднозначность употребления Стефаном термина «полис» и несоответствие его в данном случае с определением Тилиса как царской резиденции, данным Полибием, на отсутствие какого бы то ни было упоминания кельтов в связи с этим полисом и на крайнюю ненадежность географической привязки, выраженной словами «поблизости от Гема». Нельзя не отметить, что эту часть работы Ю. Эмилова отличает весьма тщательный анализ как историографии проблемы, так и текстов древних авторов.

Далее автор рассматривает три небольших археологических сюжета. Прежде всего, он показывает (с. 74–75), что при сегодняшнем состоянии изученности материальных свидетельств, вопреки мнению ряда исследователей, пока нет оснований говорить о существовании во Фракии латенской археологической культуры в полном смысле этого слова. Исходя из этого он предлагает собственную интерпретацию латенских материалов, происходящих из раскопок Севтополя и Филиппополя. Анализируя находки латенских фибул из Севтополя, он указывает на относительность их датировок, предлагавшихся прежними исследователями, что вряд ли позволяет предполагать разрушение одрисской столицы галатами в 270-х годах (с. 75–78). Столь же ненадежными он считает основания для постулирования тезиса о присутствии кельтов (захватчиков или наемников?) в округе совр. Казанлыка на основании находок здесь предметов кельтского вооружения. Наконец, суммируя данные о латенских вещах и деталях погребального обряда, выявленных в «захоронении воина из Филиппополя», исследователь также сомневается в возможности сколько-нибудь определенных заключений об этнической принадлежности погребенного и каких-либо ответственных исторических реконструкций на этой основе. Итоговый вывод автора таков: «Поиск стабильного политического единства фракийских галатов и кельтских анклавов в регионе на базе археологических находок, а не археологических кон-

¹⁵ Tomashitz 2002, 140.

¹⁶ Впервые эта идея была высказана Х.В. Парком: Parke, 1982; ср. Gabelko 2006, 216, 218; Габелко, Селиванова 2006, 123, 126. Интересное предположение Ю. Эмилова, однако, оставляет неясным, как соотносить возможные «волчьи» аллюзии на имя Лутария с определением *felini*; видимо, здесь можно говорить лишь об общем семантическом поле, но не о точном соответствии.

¹⁷ Аргументация исследователя может быть дополнена: в пользу его предположения говорит то, что, как он сам доказывает, Тилис представлял собой царскую резиденцию, возможно, заново основанную Комонторием. Следовательно, слово Tyleni могло бы обозначать только ее жителей, но никак не всех галатов Комонтория в целом; в таком случае определение «тилиийские галаты», нередко используемое в современной историографии (в том числе и авторами рецензируемого сборника) становится столь же бессмысленным, как, скажем, выражение «пеллейские македоняне» применительно к характеристике македонян в целом. Быть может, царство Комонтория и Кавара следует именовать «государством эгосагов» – переход этого кельтского племени в Азию в 218 г. (Polyb. V. 77. 2; 78. 6) небезосновательно связывается с кризисом царства Кавара (Домарадски 1984, 81, 87; ср. Tomaschitz 2002, 141, 177, Anm. 728).

текстов – это задача, подобная созданию новых исторических гипотез на скудных, противоречивых или обманчивых упоминаниях в письменных источниках» (с. 82). Несмотря на ярко выраженный скептический настрой исследователя, с его суждениями трудно не согласиться.

Статья Методи Манова названа «В поисках Тиле (Тилиса). Проблемы локализации» (с. 89–96). Автор считает, что существенно обновить наши представления в этом вопросе могут в первую очередь нумизматические материалы, обнаруженные в последние десятилетия. По его мнению, уверенность большинства современных исследователей в том, что политический центр фракийских галатов находился неподалеку от Византия, основанная на сообщении Полибия (IV. 46. 1–3)¹⁸, является чрезмерной. Настаивает автор и на надежности сведений Полибия, Стефана Византийского («отлично информированного лексикографа»), по его мнению, – ср. с только что приведенным мнением Ю. Эмилова) и Прокопия (De aed. IV. 11) относительно топонимов Τύλη, Τύλις, Τούλεοῦς (они, по его мнению, говорят об одном и том же населенном пункте). М. Манов указывает затем на широкое распространение кельтских монет и латенских находок в Центральной Фракии, в районе Севтополя и Кабиле, и предполагает, что кельты Комонтория¹⁹, достигнув Севтополя, сместили правящую здесь фракийскую династию и, возможно, переименовали этот город в Тилис (с. 91) – идея нетривиальная, но явно слишком смелая (ср. с оценкой ее К. Димитровым – с. 54, 60). Затем, обобщая результаты своих предыдущих работ, исследователь предлагает следующую реконструкцию событий, происходивших во Фракии и кельтских владениях в середине III в. Главной причиной похода Антиоха II во Фракию²⁰ он считает возрастание агрессивности кельтского царства Кавара²¹ (не упоминая, впрочем, что «по пути» в Центральную Фракию сирийский царь вел боевые действия против Византия – Memn. FGrHist. 434 F 15, а также фракийцев Кипселы – Polyae. IV. 16; между тем, это практически наверняка были противники кельтов). В ходе боевых действий его стратег (?)²² Адей захватил и разрушил Севтополь-Тилис, где он позднее чеканил собственную монету, а сам царь вытеснил Кавара из другого центра, Кабиле, в совр. Арковну, условно называемую М. Мановым «Тиле II». После же ухода селевкидских войск из Фракии и смерти Адея Кавар восстановил свое влияние в регионе, о чем свидетельствует продолжение его чекана (с. 91–95). Очевидно, в построениях М. Манова слишком много не только гипотетических, но и попросту недоказуемых предположений.

Лачезар Лазаров начинает свою статью «Тилитское государство кельтов во время Кавара» (с. 97–114) с изложения своей прежней точки зрения о существовании в правление Кавара и до него значительного кельтского государства в регионе Варны, Шумена, Бургаса и Сливена, распространившего свое влияние в глубь хинтерланда до совр. Арковны (автор предполагает, что ее древнее – кельтское? – название было Аркунис или Аркуния), поддерживающего определенный контроль над Одессосом, Месамбрией и Византием и взимающего с них дань. Эта концепция, по его мнению, получила в последующие годы новые подтверждения – как нумизматические, так и археологические. Он начинает с довольно подробного аналитического обзора монетного чекана Кавара (с. 97–105). Считая, что бронзовые монеты этого царя использовались исключительно в обращении внутри его государства, Л. Лазаров приводит обстоятельные данные об их распространении (с. 99, карта 2), которые, с его точки зрения, могут в определенной степени очертить границы царства. При этом он рассматривает различные варианты того, где именно мог находиться центр их чеканки – в Арковне (которую он считает наиболее вероятным «кандидатом» на роль политического центра галатов – ср. с. 102, 103), Кабиле или укрепленном центре около населенного пункта Ценино (с. 100–101, карты 3–5). Против локализации кельтского царства в Юго-Восточной Фракии, на взгляд автора, свидетельствует полное отсутствие здесь, наряду с монетами Кавара, латенских находок, резко контрастирующее с сотнями таковых из более северных районов современной Болгарии – округа Казанлык и территорий по течению р. Камчия. Исходя из возможной локализации одного (главного?) политического центра кельтов в Арковне Л. Лазаров предпринимает попытку атрибутировать именно его чекану три типа

¹⁸ Однако в трактовке этого сообщения автор допускает очевидную натяжку, указывая, будто бы Полибий говорит о том, что кельты Комонтория направились во Фракию *после разгрома при Лисимахии* (!) (с. 89). Греческий историк, естественно, этого сражения вообще не упоминает и даже не подразумевает.

¹⁹ Напомним – после жестокого поражения при Лисимахии!

²⁰ К сожалению, М. Манов (как, впрочем, и К. Димитров, также упоминающий эти события, – с. 61) не использует обстоятельную работу А. Аврама (Avram 2003), являющуюся, насколько мне известно, последним словом в исследовании данного сюжета.

²¹ Трудно разделить уверенность автора в том, что этот царь уже правил в 250-х годах. Первое упоминание его относится к 220 году (Polyb. IV. 52. 1–2).

²² Адей был фракийским династом, правившим где-то в районе Кипселы и вступившим в союз с Антиохом (Avram 2003, 1202, п. 55).

монет Кавара (с. 104). Проведенному исследователем нумизматическому анализу невозможно отказать в глубине и основательности.

Затем автор приводит пространные и снабженные иллюстрациями данные об археологических находках III в. из долины Камчии, главным образом из раскопок Арковны (с. 105–109). Это многочисленные латенские фибулы, кольца, браслеты, предметы вооружения, керамика. Концентрация их в данном регионе тоже, по мысли автора, свидетельствует против локализации Тилиса в Юго-Восточной Фракии, поблизости от Византия, которую Л. Лазаров считает явно предвзятой идеей – равно как и мнение о тяжелых политических и экономических последствиях утверждения кельтов во Фракии (разумеется, за вычетом непосредственно периода военных действий, что проявилось, к примеру, в разрушении Пистироса), против чего свидетельствует хотя бы факт процветания греческих полисов Западного Понта, находившихся под влиянием Кавара. С этим взглядом во многом можно согласиться, хотя мнение автора, будто «...кельтское царство в Восточной Фракии вскоре приобрело синкретический фрако-кельтский облик, который находился под сильным влиянием эллинистической культуры возле греческих полисов» (с. 110) все же воспринимается как некоторое преувеличение. В заключение Л. Лазаров еще раз очерчивает предполагаемые границы царства – вокруг Далгопола, Провадии, Смядово, Каспичана, Шумена, Айтоса, Карнобата, Сливена, частично – Ямбола; на западе оно достигало районов Велико Тырново и Казанлыка. На юге его владения простирались далее Кабиле и Аполлонии, при этом оно располагало своеобразным «коридором» к востоку от р. Тунджа, обеспечивающим доступ к Византию для получения дани. На севере же владения кельтов простирались в некоторых местах вплоть до Дуная. Историко-географической реконструкции, созданной Л. Лазаровым, нельзя отказать в продуманности и обстоятельности.

В небольшой статье Тотко Стоянова «Гробница Маль-Тепе в Мезеке и проблема кельтского царства в Юго-Восточной Фракии» (с. 115–120) основное внимание сконцентрировано на анализе известного памятника, который, главным образом из-за наличия в погребении фрагментов колесницы, традиционно и почти единодушно определяется как захоронение кельтского вождя или даже правителя Тилиса. Автор приводит аргументы в пользу того, что данный факт не следует считать достоверно доказанным по целому ряду причин. Во-первых, это отсутствие в погребении находок, надежно интерпретируемых как латенские: в частности, было показано, что металлические предметы, считавшиеся ранее частями декора колесницы, могут быть определены как украшения конской упряжи, типичной для фракийской традиции, а золотые бусы, чье кельтское происхождение предполагали некоторые исследователи, также находят надежные фракийские параллели. Во-вторых, бронзовую скульптуру вепря, являющуюся фрагментом скульптурной группы, изображающей охоту и опять-таки чаще всего относимой к кельтскому искусству, он поместил в круг памятников раннеэллинистического времени (ближайшая аналогия – погребение в Александрово, в 30 км к северо-западу от Мезека). Все это, с точки зрения исследователя, подтверждает мнение, – высказанное им ранее, – о том, что погребение в Мезеке представляет собой героон, сооруженный в честь стратега или эпистата Антигона Гоната во Фракии Адея²³; соответственно, колесница из погребения может представлять собой трофей, захваченный в битве при Лисимахии. Соглашаясь с необходимостью более тщательного подбора аналогий материалам из Маль-Тепе, осуществленного Т. Стояновым, необходимо высказать определенные сомнения в конкретно-исторической трактовке им погребения. Оснований для нее пока что, как кажется, не хватает: нам ничего не известно ни об участии Адея в этом сражении, ни о наличии колесниц у кельтов под Лисимахией, да и находится последняя от Маль-Тепе довольно далеко. Учитывая преобладание в гробнице собственно фракийских материалов, кажется более обоснованным вернуться к более осторожной точке зрения М. Домарадского: в Маль-Тепе мог быть похоронен фракийский правитель, а колесница представляла собой военный трофей или почетный дар, – возможно, от какого-то кельтского вождя²⁴.

Завершает сборник статья Александра Фалилеева «Древние топонимы Восточных Балкан: к определению кельтских ареалов» (с. 121–129). Санкт-петербургский лингвист-кельтолог, ныне работающий в Уэльсе, давно и плодотворно занимается данной проблематикой²⁵, причем его исследования отличает взвешенный и осторожный подход к определению «удельного веса» кельтского элемента без стремления его чрезмерно преувеличить. Характеризуя Восточные Балканы как регион с особо сложной и многосоставной топонимией, исследователь приводит несколько конкретных примеров того, как те или иные топонимы могут быть трактованы исходя из различных предположений об их этнической принадлежности (с. 122). Далее автор подчеркивает, что на Восточных Балканах, в отличие от многих других регионов, топонимы (предположительно) кельтского происхождения, несмотря на

²³ Stoyanov 2005.

²⁴ Домарадски 1984, 126.

²⁵ См. его недавнюю монографию: Falileyev 2007.

отсутствие точной локализации многих из них, в целом образуют территориальные группы, иногда коррелирующие с этническими названиями. Это обстоятельство, будучи дополнено археологическими материалами (прежде всего наличием поселений и, в меньшей степени, латенских артефактов), позволяет в перспективе надеяться на решение задачи по локализации кельтского государства во Фракии и его столицы.

А. Фалилеев затем переходит к анализу конкретных топонимов, для которых в историографии нередко постулируется кельтское происхождение (с. 123–127). Не вдаваясь в детали проведенного им исследования, необходимо отметить, что оно строится на широком привлечении разнообразных аналогий и солидной историографической базе; при этом автор оправданно избегает категоричных выводов. Итог таков: топонимы Арковна и Карпудемум вряд ли связаны с кельтами (ср. с мнением Л. Лазарова), тогда как названия Казибона, Голбе, Оркелис, Валла, скорее всего, имеют именно кельтские корни. Что же касается топонимов Римезика и самого имени кельтской столицы, Тилис, то вопрос об их происхождении пока следует оставить открытым. Несмотря на отсутствие окончательных выводов, автор заключает, что полученные данные позволяют предполагать расположение кельтского царства, в соответствии с информацией Полибия, в Юго-Восточной Фракии; в то же время нельзя исключать существования каких-то кельтских анклавов в других частях Фракии (с. 127–128). Это заключение, вне всякого сомнения, следует учитывать всем будущим исследователям темы.

Итак, следует резюмировать, что авторам сборника не удалось прийти к полному единству мнений по целому ряду принципиально важных вопросов – о самой локализации кельтского государства во Фракии, о надежности интерпретации тех или иных материалов как кельтских, о достоверности античной письменной традиции и лингвистических свидетельств относительно кельтов на Балканах и т.д. Это, однако, со всей очевидностью – именно тот случай, когда отрицательный результат тоже важен и полезен. Отчетливо определившаяся в большинстве работ сборника тенденция более взвешенно и критически подходить к масштабам и значению кельтского присутствия во Фракии ни в коей мере не может быть расценена как проявление «кельтоскпетических» настроений, а напротив, является результатом углубленного анализа всего комплекса доступных источников и поэтому, как представляется, даст новые важные импульсы разработке кельтско-фракийской проблематики. В частности, может быть предложена гипотеза относительно причин несовпадения данных Полибия о локализации Тилиса неподалеку от Византия и массовой концентрации латенских материалов в районе, обозначенном как место нахождения царства Кавара Л. Лазаровым. Представляется далеко не случайным, что само существование Тилиса по данным античных источников выглядит довольно эфемерным: можно предположить, что он, будучи царской резиденцией, возможно, одного лишь Комонтория, совершавшего грабительские набеги и взымавшего дань с Византия, существовал недолго и поэтому не успел оставить никаких значимых материальных следов. Затем в какой-то момент (в результате похода Антиоха II во Фракию?) рыхлое квазигосударственное объединение кельтов перемещается на север, где, налаживая более конструктивные связи с греческими городами, достигает кратковременного экономического и политического расцвета при Каваре. Но как называлась столица фракийских кельтов в этом регионе, в таком случае остается неизвестным; введение вслед за М. Мановым термина «Тиле II» не представляется удачным.

К числу недостатков сборника следует отнести некоторый разноречивый в статьях в оформлении ссылок на античные источники и библиографию, а если выйти за пределы анализа его содержания и обратиться к форме, – также и тот обидный факт, что при в целом неплохом полиграфическом уровне книга буквально распадается в руках после того, как ее несколько раз пролистаешь. Все вышесказанное, однако, дает основание заключить, что рецензируемый сборник, несмотря на отдельные спорные места и недостатки и неодинаковый уровень включенных в него статей, в целом представляет собой существенный вклад в изучение целого ряда чрезвычайно актуальных и интересных вопросов истории и археологии восточных кельтов, рассматриваемых в контексте политической истории эллинистического мира III века.

Литература

Габелко О.Л., Селиванова Л.Л. 2006: «Оракул Фаэнтис» (Zosim. II. 36–37) и переход галатов в Азию // *Античная цивилизация и варвары* / Л.П. Мариневич (ред.). М., 110–148.

Домарадски М. 1984: Келтите на Балкански полуостров IV–I в. пр. н.е. София.

Тачева М. 1997: История на българските земи в древността през елинистическата и римската епоха. Второ допълнено издание. София.

Avram A. 2003: Antiochos II Théos, Ptolémée II Philadelphie et la mer Noire // *Comptes-rendus des séances de l'année. Académie des inscriptions et belles-lettres*. 3, 1181–1213.

Kelten-Einfälle... 2007: Kelten-Einfälle an der Donau. Akten des IV Symposiums deutschsprachiger Keltologinnen und Keltologen. Linz–Donau, 17.–21. Juli 2005 / H. Birkhan, H. Taubler (Hrsg.). Wien.

Campbell D.R.J. 2009. The So-Called Galatae, Celts and Gauls in the Early Hellenistic Balkans and the Attack on Delphi in 280–279 BC. Diss. Leicester.

Celts on the Margin 2005: Celts on the Margin. Studies in European Cultural Interaction 7th Century BC – 1st Century AD, Dedicated to Zenon Wozniak / H. Dobrzańska, V. Megaw, P. Poleska (eds.). Kraków.

Džino D. 2007: The Celts in Illyricum – Whoever they May Be: the Hybridization and Construction of Identities in South-Eastern Europe in the Fourth and Third Centuries BC // *Opuscula archaeologica*. 31, 49–68.

Falileyev 2007: Celtic Dacia. Personal Names, Place-Names and Ethnic Names of Celtic Origin in Dacia and Scythia Minor. Aberystwith.

Falileyev A., Emilov J., Theodossiev N. 2010: Celtic Bulgaria. Sofia.

Gabelko O.L. 2006: «Phaennis' Oracle» (Zosim. II. 36–37) and the Galatians' Passage to Asia Minor // «Trojaner sind wir gewesen» – Migrationen in der antiken Welt / E. Olshausen, H. Sonnabend (Hrsg.) Stuttgart, 211–228.

Histories of Polybius 1992: The Histories of Polybius / Transl. by W.R. Paton. Vol. 2. Cambr. (Mass.) – L.

Parke H.W. 1982: The Attribution of the Oracles in Zosimus, *New History* 2. 37 // CQ. 32, 441–444.

Stoyanov T. 2005: The Mal-tepe Complex at Mezek. The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of M. Domaradzki. Oxf., 123–128.

Strobel K. 1996: Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd I. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien. I. B.

Theodossiev N. 2000: North-Western Thrace from the Fifth to the First Centuries BC. Oxf.

Tomaschitz K. 2002: Die Wanderungen der Kelten in der antiken literarischen Überlieferung. Wien.

Walbank F.W. 1957: A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxf.

О.Л. Габелко,

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
Казанского (Приволжского) федерального университета

© 2012 г.

A.M. ECKSTEIN. Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 B.C. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. XI, 439 p.

Римский империализм и, в частности, римская экспансия в Восточном Средиземноморье в последней трети III – первой трети II в. до н.э. всегда привлекали внимание наиболее значительных историков античности и подверглись всестороннему изучению в науке XIX–XX веков¹.

Теодор Моммзен стоит у истоков теории так называемого «оборонительного империализма». Долгое время эта теория господствовала в историографии. По мнению немецкого историка, Рим в это время «вовсе не стремился к владычеству над государствами Средиземного моря и желал только одного – иметь в Африке и Греции безопасных соседей»².

¹ Упомянем лишь наиболее влиятельные из многочисленных работ на эту тему: Mommsen 1854–1856; Frank 1914; De Sanctis 1907–1923; Holleaux 1935; Badian 1968; Harris 1979. В отечественной историографии теме римского империализма были специально посвящены следующие монографии: Ростовцев 1918; Кашев 1993.

² Mommsen 1854 (цит. по рус. изд.: Моммзен 1994, I, 547).